КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1879 года № 36 5 Сентября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 3 руб. 60 коп. съ пересылкою.; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за 1 разъ 15 коп. за строку или ея мѣсто, за 2 раза по 20 коп., за 3 раза по 25 коп.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

—

Всемилостивѣйше пожалованы 28-го мая 1879 г., согласно удостоенію комитета гг. министровъ, орденами: Св. Анны 3-й ст. ординарный профессоръ кіевской духовной академіи, докторъ богословія, Петръ *Линицкій* и экстраординарный профессоръ той же академіи, магистръ богословія, Михаилъ *Ковальницкій*; Св. Станислава 3-й ст. секретарь совѣта и правленія той же академіи Иванъ *Исаевъ*, учители кіевской духовной семинаріи, кандидаты богословія: *Максимовичъ*, *Переверзевъ* и *Пашкевичъ*.

СПИСОКЪ

воспитанниковъ УМАНСКАГО духовнаго училища, получавшихъ денежныя пособія на свое содержаніе во 2-й половинѣ 1878—79 учебнаго года.

а) получили высшіе оклады пособій, по 45 р. въ полугодіе (изъ 90 руб. въ годъ):

Сироты: Жуковскій Иванъ, Доманицкій Николай, Гурковскій Левъ, Гребенѣтскій Павелъ, Славинскій Николай, Бочковскій Маркеллъ, Поржецкій Михаилъ, Зміевскій Симеонъ, Бутовскій Петръ, Пащевскій Григорій, Мачуговскій Михаилъ, Гурдзинскій Филиппъ, Пашинковскій Николай, Поржецкій Павелъ, Скаржановскій Георгій, Стасинѣвичъ Ефремъ, Порицкій Николай, Бутовскій Павелъ, Гурковскій Иванъ, Крыжановскій Тихонъ, Славинскій Θеодоръ; *сыновья многосемейныхъ и несостоятельныхъ дьячковъ:* Павловскій Θеодосій, Привротскій Евθимій, Марцинькевичъ Θеоктистъ, Плотницкій Захарія; *сыновья пономарей, бѣднаго состоянія:* Тихонѣвичъ Митрофанъ, Когутовскій Георгій; *сынъ псаломщика:* Бережницкій Кириллъ; *сынъ многосемейнаго и несостоятельнаго діакона:* Коломацкій Яковъ; *сыновья многосемейныхъ священниковъ, бѣднаго состоянія:* Ефремовъ Иванъ и Купріевичъ Александръ. Всѣхъ воспитанниковъ, получившихъ высшіе оклады пособій, 32.

б) получили низшіе оклады пособій, по 25 р. въ полугодіе (изъ 50 руб. въ годъ):

Сироты: Лещенецкій Михаилъ, Франковскій Георгій, Дзбановскій Сергѣй, Щупаковскій Димитрій, Бобровницкій Павелъ, Шереметинскій Александръ; *сыновья многосемейныхъ и несостоятельныхъ дьячковъ:* Любанскій Владиміръ, Ходзицкій Захарія, Крыжановскій Иванъ, Крыжановскій Николай, Нисонскій Θеодоръ, Архиповичъ Петръ; *сынъ пономаря, бѣднаго состоянія.* Тихонѣвичъ Θеоктистъ; *сыновья многосемейныхъ и не состоятельныхъ діаконовъ:* Боряковскій Николай, Крыжановскій Георгій, Недѣльскій Викторъ; *сыновья многосемейныхъ священниковъ, бѣднаго состоянія:* Леоновичъ Алексѣй, Бариловичъ Владиміръ, Саввинъ Автономъ, Олтаржевскій Симеонъ, Гуковичъ Григорій и Костецкій Гавріилъ. Всѣхъ воспитанниковъ, получившихъ низшіе оклады пособій, 22.

СПИСОКЪ

воспитанниковъ ЧЕРКАССКАГО духовнаго училища, получавшихъ денежныя пособія на свое содержаніе во 2-й половинѣ 1878—79 учебнаго года.

а) получили высшіе оклады пособій, по 50 р. въ полугодіе (изъ 100 р. въ годъ):

Сироты: Березовскій Иванъ, Березовскій Левъ, Лебединскій Петръ, Трегубовъ Софроній, Подгаецкій Василій; Барабашъ Александръ, Завадскій Иванъ, Левицкій Павелъ; *сынъ безмѣстнаго дьячка*: Шараевскій Несторъ, *сынъ безмѣстнаго и многосемейнаго священника:* Бабаковъ Иванъ. Всѣхъ воспитанниковъ, получившихъ высшіе оклады пособій, 10.

б) Получили низшіе оклады пособій большаго размѣра, по 30 р. въ полугодіе (изъ 60 р. въ годъ).

Сироты: Вироцкій Иларіонъ, Коломацкій Павелъ, Лихнякевичъ Антоній, Березовскій Климентъ, Григоровичъ Алексѣй, Лукомскій Петръ, Левицкій Матвѣй; *сыновья многосемейныхъ и несостоятельныхъ причетниковъ*: а) *дьячковъ*: Богацкій Александръ, Мироновичъ Тимоѳей, Левицкій Ѳеодоръ, Ромодановъ Михаилъ, Шараевскій Алексѣй, Грушевскій Григорій, Ромодановъ Гавріилъ, Матушевскій Николай, Руденковъ Левъ, Крупницкій Димитрій, Руденковъ Василій; б) *пономарей:* Матушевскій Николай, Матушевскій Крескентъ; *сыновья многосемейныхъ діаконовъ, бѣднаго состоянія*: Шимковскій Стефанъ, Завиновскій Іосифъ, Маевскій Матвѣй; *сыновья многосемейныхъ священниковъ, бѣднаго состоянія*: Каминскій Иларій, Татаровъ Іосифъ, Гуковичъ Алексѣй и Солуха Митрофанъ. Всѣхъ воспитанниковъ получившихъ низшіе оклады пособій большаго размѣра, 27.

в) получили низшіе оклады пособій меньшаго размѣра, по 20 р. въ полугодіе (изъ 40 р. въ годъ).

Сыновья многосемейныхъ и несостоятельныхъ причетниковъ: а) *дьячковъ*: Свободинъ Матвѣй, Штангеевъ Иванъ, Руденковъ Антоній, Затовскій Титъ, Лебедовичъ Иванъ, Чернявскій Іоакимъ, Радзіевскій Даніилъ, Корсуновскій Георгій, Грушевскій Иванъ, Матушевскій Михаилъ; б) *пономарей*: Діаковскій Василій, Обыдовскій Иванъ, Богданъ Іустинъ, Линчевскій Ѳеодоръ; *сыновья многосемейныхъ діаконовъ бѣднаго состоянія*: Діаковскій Кириллъ, Демуцкій Ѳеодоръ; *сыновья многосемейныхъ священниковъ бѣднаго состоянія:* Татаровъ Анастасій и Гуковичъ Константинъ. Всѣхъ воспитанниковъ, получившихъ низшіе оклады пособій меньшаго размѣра, 18.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Служенія Высокопреосвященнаго митрополита. 29 августа, въ день Усѣкновенія честныя главы Св. Іоанна Предтечи, архипастырь совершалъ Божественную литургію въ большой лаврской церкви, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ и шести игуменовъ и іеромонаховъ. Предъ литургіею съ такимъ соборомъ сослужащихъ совершена архипастыремъ панихида о воинахъ павшихъ на брани. Эта панихида, совершаемая и во всѣхъ православныхъ храмахъ, представляетъ особенно назидательное и утѣшительное священнодѣйствіе при еще такъ свѣжихъ воспоминаніяхъ о великихъ жертвахъ минувшей войны за нашихъ братій по вѣрѣ и племени.

30 августа, въ день св. князя Александра Невскаго и тезоименитства Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича, священнослуженіе архипастыря происходило въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Божественная литургія совершена въ сослуженіи собора архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ, а благодарственный молебенъ въ сослуженіи обоихъ преосвящ. викаріевъ и большинства городскихъ священниковъ. На литургіи инспекторомъ академіи, архимандритомъ Сильвестромъ, сказано было слово. Проповѣдникъ говорилъ о св. православно-христіанской вѣрѣ, какъ той духовной силѣ, на которой создалось и опиралось историческое развитіе Россіи, русскаго народа и государства, которою спасалась она въ годины великихъ испытаній и опасностей, постигавшихъ ее совнѣ и внутри. Эта св. вѣра, выяснялъ проповѣдникъ, и теперь остается для насъ самою крѣпкою силою, могущею созидать и ограждать наше нравственно-общественное развитіе, укрѣплять насъ въ сознаніи и выполненіи нашего призванія, нашихъ священныхъ обязанностей въ служеніи возлюбленному Монарху, отечеству, обществу, народу.

Вымышленный католическій святой. Одно изъ самыхъ важныхъ условій неблагопріятнаго состоянія католической церкви то, что она во многихъ пунктахъ стоитъ въ разладѣ съ наукою. Ложная теорія папства и многія несостоятельныя доктрины католицизма не могли быть подтверждены несомнѣнными данными богословской и церковно-исторической науки,—и вотъ явились разнаго рода фальсификаціи этихъ данныхъ. Сколько въ этихъ видахъ поддѣлано документовъ каноническихъ, сколько искажено экземпляровъ святоотеческихъ твореній, сколько измышлено небывалыхъ историческихъ фактовъ, сколько признано и освящено суевѣрій! Ультрамонтанская наука настолько тендеціозна, что часто и теперь цѣлыя книги представляютъ собою сплошной рядъ догматическихъ и историческихъ кривотолковъ, искаженій и подлоговъ разнаго рода. Отсюда серьезная наука, и не протестантская только, но и католическая, болѣе или менѣе свободная отъ ультрамонтанства, издавна, еще съ XV вѣка, борется противъ этихъ разнаго рода подлоговъ и фальсификацій, принятыхъ и освященныхъ римскою церковію, и выбиваетъ одну за другою гнилыя подставки папства и ложныхъ ученій католицизма. Къ чести римско-католической церкви слѣдуетъ замѣтить, что и сама она не всегда упорно закрываетъ глаза предъ наукою и иногда выбрасывала и выбрасываетъ за бортъ оказывающіеся негодными матеріалы, особенно если дѣло касается частныхъ мнѣній, мѣстныхъ суевѣрій и т. п., устраненіе которыхъ возможно безъ униженія достоинства всей церкви и самаго папства. Тѣмъ не менѣе однакоже и до сихъ поръ для науки остается широкое поприще дѣятельности въ разоблаченіи особенно исторической неправды, историческихъ подлоговъ, допущенныхъ въ тенденціозныхъ видахъ римскою церковію.

Предъ нами серьезное и въ высокой степени интересное, хотя по своей идеѣ и не новое, изслѣдованіе извѣстнаго нашего ученаго слависта профессора Будиловича, раскрывающее одинъ изъ подобныхъ подлоговъ, принятыхъ римскою церковію, касательно одного изъ ея весьма чтимыхъ святыхъ. Позволяемъ себѣ познакомить нашихъ читателей съ этимъ изслѣдованіемъ *).

Въ земляхъ бывшей Рѣчи Посполитой польской и священной римской имперіи часто встрѣчаются на перекресткахъ дорогъ, площадяхъ и особенно у мостовъ каменныя и металлическія изваянія, изображающія латинскаго ксендза въ длинномъ подрясникѣ, короткой кружевной рубахѣ поверхъ него, въ четырехъугольной шапочкѣ, съ лицемъ обращеннымъ къ распятію, которое фигура держитъ въ рукахъ. Семизвѣздный ореолъ, окружающій голову фигуры, показываетъ, что это—изображеніе латинскаго святаго, а множество подобныхъ изваяній свидѣтельствуетъ, что это святой особенно чтимый въ католическомъ мірѣ. Но мы ошиблись бы, еслибы подумали, что это какой-либо великій пророкъ или апостолъ, славный исповѣдникъ или мученикъ первыхъ вѣковъ христіанства, или какой либо знаменитый народный просвѣтитель въ родѣ Кирилла и Меѳодія. Нѣтъ, это не болѣе какъ *Янъ Непомукъ*, или Непомуцкій, свѣтило недавно выставленное на горизонтѣ римской церкви. Онъ канонизованъ лишь полтораста лѣтъ назадъ—19 марта 1729 г. папою Бенедиктомъ XIII. Онъ былъ родомъ чехъ, жилъ во второй половинѣ XIV в.; но память о немъ такъ улетучилась въ преданіи, что въ концѣ XVII в. сохранялись о немъ лишь самыя смутныя извѣстія, и самая канонизація о немъ состоялась на основаніи жизнеописанія Бальбина, сообщающаго о немъ весьма неопредѣленныя и сбивчивыя показанія. Прославленіе его римскою церковію состоялось только во имя того исключительнаго подвига его, что 15 мая 1383 г. онъ умеръ мученическою смертію за то, что не хотѣлъ открыть королю Вячеславу IV исповѣдныхъ тайнъ его жены Іоанны, у которой онъ былъ духовникомъ. Для члена православной церкви не можетъ не казаться страннымъ, что столь обычное исполненіе пастырскаго долга, какъ соблюденіе тайны исповѣди, въ католической церкви представляетъ великій подвигъ, удостоивающій канонизаціи. „Только крайняя деморализація латинскаго духовенства, обратившаго исповѣдь въ средство политической и общественной пропаганды съ одной стороны, и въ орудіе семейнаго шпіонства съ другой, могла составить тотъ темный фонъ, на которомъ образъ охранителя исповѣдной тайны выдѣлялся бы въ столь ослѣпительномъ блескѣ". Но кромѣ исторической тусклости и нравственной мизерности Яна Непомука, съ какими онъ представляется въ канонизаціонной буллѣ и житіи его, главный интересъ личности этого святаго въ томъ, что онъ никогда не существовалъ, есть лицо чисто миѳическое. Время царствованія Вячеслава IV довольно богато историческими документами, достаточно

---

*) О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ. (Оттискъ изъ 10 № Холмско-Варшавскаго Епарх. Вѣстника за 1879 г.).

обработанными наукою. Оказывается, что въ нихъ не находится никакихъ слѣдовъ Непомука, капеллана и исповѣдника королевы Іоанны, казненнаго въ Прагѣ въ 1383 г. за соблюденіе тайны исповѣди. Въ документахъ встрѣчается впрочемъ одно лицо подъ именемъ Яна изъ Помука или Непомука (это былъ одинъ и тотъ же городъ): это—каноникъ и викарій пражскаго архіепископа, утопленный въ 1393 г. за участіе въ спорѣ архіепископа Яна изъ Енштейна съ Вячеславомъ IV по поводу назначенія новаго аббата въ монастырѣ Кладрубскомъ. Изъ этаго-то историческаго Яна Непомука, путемъ намѣреннаго или ненамѣреннаго извращенія преданій о немъ, и возникъ, какъ особое лицо, Янъ легендарный, Янъ духовникъ королевы Іоанны, впослѣдствіи канонизованный. Къ историческому Яну Непомуку совершенно непримѣнимы многія обстоятельства, разсказываемыя о Янѣ легендарномъ, напр., королева Іоанна умерла уже въ 1386 г., т. е. за семь лѣтъ до казни историческаго Яна. Легенда о Янѣ, какъ духовникѣ королевы Іоанны, казненномъ за охраненіе исповѣдной тайны, возникла на почвѣ извѣстія съ одной стороны нѣкоего интригана Павла Жидека, который въ своей „Справовнѣ" (около 1476) пустилъ первый сплетню о семейныхъ дѣлахъ нелюбимаго ни католиками, ни гусситами короля Вячеслава IV и затѣмъ на почвѣ сказаній Свитавской хроники (15 вѣка), документа въ историческомъ отношеніи весьма ненадежнаго, гдѣ Непомукъ изъ каноника передѣланъ въ капеллана и годъ его смерти показанъ ложно, именно въ 1383 вмѣсто 1393. Когда такимъ образомъ въ 15 вѣкѣ личность Яна историческаго, каноника, утопленнаго въ 1393 г., значительно была искажена, то извѣстный чешскій хронистъ Гаекъ, встрѣчая въ однѣхъ рукописяхъ обозначенія Непомука архіепископскимъ викаріемъ, казненнымъ въ 1393 г. за участіе въ дѣлѣ объ аббатствѣ Кладрубскомъ, а въ другихъ королевскимъ капелланомъ, утопленнымъ за охраненіе исповѣдной тайны, не могъ иначе примирить этихъ разногласій, какъ признавъ двухъ различныхъ Непомуковъ—каноника и капеллана. Въ своей извѣстной „Kronika česka" Гаекъ первый вывелъ на сцену чешской исторіи этихъ двухъ Непомуковъ и былъ первымъ виновникомъ появленія на свѣтъ Яна Непомука легендарнаго. Съ легкой руки Гаека всѣ послѣдующіе чешскіе писатели 16 и 17 вѣковъ принимали двухъ Яновъ изъ Непомука. Ихъ примѣромъ увлекся и знаменитый чешскій ученый XVII в., іезуитъ Бальбинъ, написавшій, въ 1680 г., житіе Непомука. Когда такимъ образомъ наука открыла никогда несуществовавшаго капеллана, потерпѣвшаго мученическую смерть за соблюденіе священническаго долга, латинское духовенство въ Чехіи и особенно іезуиты не преминули эксплуатировать новоизобрѣтеннаго святаго. Еще съ 15 в. пражскіе каноники прославляли Яна Непомука какъ святаго, чествовали его могилу и поддерживали въ народѣ повѣрье, что кто ступитъ неуважительно на эту могилу, тотъ подвергнется чудесному наказанію. Съ 16 вѣка стали появляться образа съ надписью S. Ioannes Nepomucenus. Послѣ бѣлогорской битвы (1620 г.), сокрушившей автономію чешскаго государства и диссидентскихъ церквей, іезуиты и габсбурги приняли Яна Непомука подъ свое особенное покровительство, стали воздвигать ему статуи, алтари, поклоняться его мнимой могилѣ, составили чрезъ посредство іезуита Бальбина легенду и не переставали убѣждать папу канонизовать чешскаго святаго. Въ 1719 г. вынуто было изъ гроба тѣло мнимаго Яна Непомуцкаго, при чемъ языкъ оказался будто бы чудесно сохранившимся и заключенъ въ особый сосудъ, въ которомъ хранится и до сихъ поръ. Но и это „чудо" не могло еще побѣдить осторожности папскаго двора, который вѣроятно хорошо зналъ, какъ изготовляются въ католической церкви нетлѣнныя руки, ноги и языки святыхъ. Лишь послѣ новыхъ десятилѣтнихъ усилій со стороны пражскаго клира, чешскихъ магнатовъ и разныхъ государей католической Европы канонизованъ былъ 19 марта 1729 г. новый святой католической церкви. Преданіе о немъ до такой степени затемнилось, что въ самой канонизаціонной легендѣ рядомъ съ Яномъ святымъ легендарнымъ поставленъ другой Янъ, не святой; но симпатіи католиковъ и іезуитовъ были привязаны не къ историческому, а къ легендарному Яну, какъ сохранившему тайну исповѣди; и вотъ по замѣчательной ироніи судьбы канонизованъ папою не Янъ историческій, а Янъ миѳическій—мнимый капелланъ и исповѣдникъ королевы Іоанны, лицо совершенно миѳическое. „Такимъ образомъ оказывается съ полною несомнѣнностію, что то лицо, которое признано святымъ, несуществовало; тоже, которое существовало, не признано святымъ; слѣдовательно въ теченіе 150 лѣтъ католическій міръ поклоняется мнимому святому въ образѣ человѣка несвятаго! Янъ изъ Непомука является невольнымъ самозванцемъ, присвоившимъ себѣ, по чужой винѣ, званія и прерогативы лица миѳическаго, созданнаго заблужденіями историковъ и своекорыстными разсчетами католическаго клира"...

Замѣчательны мотивы, вызвавшие канонизацію этого мнимаго святаго. Тутъ могли имѣть мѣсто тѣже соображенія, какими руководствовалась воинствующая латинская церковь, канонизовавъ, въ 1248 г., мощи Станислава, епископа Краковскаго († 1079), павшаго, подобно Яну Непомуку, жертвою столкновеній со свѣтскою властью. Другими побужденіями, заставлявшими пражскихъ, особенно святовитскихъ каноииковъ столь настойчиво стремиться къ канонизаціи Непомука, было желаніе сдѣлать Прагу, особенно ея соборъ св. Вита, предметомъ паломничества, а слѣдовательно удесятерить число своихъ доходовъ. Папа и члены congregationis rituum могли и съ своей стороны разсчитывать, что динарій св. Петра, получаемый изъ Чехіи, обратится изъ мѣднаго въ золотой, если совершится канонизація Непомука. Но всѣ эти соображенія и мотивы, какъ ни могущественны они для человѣческихъ слабостей, не могли бы объяснить того упорнаго усердія, съ какимъ подготовляли канонизацію Непомуку не только пражскіе, но и римскіе прелаты, а также императоры и князья германскіе, не могли бы они объяснить и того одушевленія, съ которымъ отнесся къ памяти новопроизведеннаго святаго весь чешскій, а за нимъ моравскій и польскій народъ. Должна существовать еще одна тайная пружина и этаго единодушія силъ латинскаго міра и этаго довѣрчиваго энтузіазма со стороны чехо-славянскаго простонародья. Эта тайная пружина не осталась скрытою отъ внимательныхъ историковъ культа Непомука. Давно уже нѣкоторые ученые высказывали мысль, что Янъ Непомукъ есть миѳъ, сочиненный латинниками для вытѣсненія изъ памяти чешскаго народа имени Яна Гуса, который считался у своихъ приверженцевъ святымъ, и которому существовала въ Чехіи даже особая служба. „Мы", говоритъ г. Будиловичъ, „соображая всѣ относящіяся къ дѣлу обстоятельства, и съ своей стороны высказываемъ увѣренность, что Янъ Непомукъ есть подлогъ подъ Яна Гуса. Замѣтивъ чрезвычайное уваженіе чеховъ къ памяти своего дѣйствительно великаго подвижника, святаго Яна (Гуса), латинники не могли не скандализоваться этимъ культомъ еретика, сожженнаго Констанцкимъ соборомъ 6 іюля 1415 года. Послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ усилій вытѣснить его изъ памяти народа, они должны были задаться мыслью подмѣнить его кѣмъ-нибудь, хотя сокола вороною. Янъ Непомукъ очень годился для этой цѣли: подобно Гусу онъ 1) носилъ имя Яна; 2) былъ магистромъ пражскаго университета; 3) носилъ духовный санъ; 4) умеръ насильственною смертью. Гусъ былъ сверхъ того исповѣдникомъ королевы Софіи: тоже званіе приписано легендою и Непомуку, хотя и относительно другой королевы Іоанны. Еще ли тутъ нѣтъ сходства! А если существовала между двумя Янами и разница, состоявшая особенно въ томъ, что одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ великій, а другой малый, одинъ дѣятель всенародный, а другой сословный,—то могъ ли кто въ Чехіи въ 17 и началѣ 18 вѣка замѣтить такія „мелочи" въ двухъ историческихъ лицахъ, виднѣвшихся изъ глубины вѣковъ и освѣщенныхъ особымъ образомъ писателями, проповѣдниками, учителями и администраторами временъ іезуитско-габсбургской реакціи! Народные глаза были завязаны, историческая память помрачена: диво-ли, что народъ не отличилъ въ началѣ 18 вѣка Яна Непомука отъ своего полузабытаго уже Яна Гуса!"

„Такъ культъ Непомука предназначенъ служить могильной плитой, подъ которой долженъ скрываться отъ глазъ и памяти людей Иванъ Гусъ и два бурные вѣка чешской исторіи, окрещенные его именемъ!

„И теперь, въ день 16 мая, мнимый день смерти мнимаго святаго Яна Непомуцкаго, десятки и сотни тысячъ благочестивыхъ чеховъ и чешекъ собираются въ Прагу на поклоненіе статуѣ, стоящей на Карловомъ мосту, а также чудотворному языку и костямъ вымышленнаго латинниками святаго Яна Непомуцкаго; а въ день 6 іюля, годовщину мученической смерти великаго Гуса, лишь въ одной святониколаевской церкви можно услыхать панихиду о рабѣ Божіемъ Іоаннѣ!"

„Но недолго уже,—заключаетъ г. Будиловичъ свою брошюру—продержится въ чешскомъ народѣ слѣпота, напущенная на него въ вѣка реакціи іезуитами и габсбургами. Уже теперь число поклонниковъ Непомука съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ, а число почитателей памяти Гуса увеличивается. Еще нѣсколько усилій науки и опытовъ жизни,—и на мѣстѣ поверженныхъ статуй миѳическаго святаго Непомука возвысятся изваянія историческаго подвижника Гуса".

Привѣтствуя съ полнымъ сочувствіемъ изслѣдованіе г. Будиловича, не можемъ не пожелать, чтобы наша православная церковно-историческая наука болѣе и болѣе успѣвала въ подобномъ разоблаченіи разнообразныхъ вымысловъ и лжи римскаго католицизма и папства.

....

БИБЛІОГРАФІЯ.

Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антіохійской. А. Лебедева, экстраординарнаго профессора московской д. академіи. М. 1879.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, принадлежитъ къ группѣ докторскихъ диссертацій, вызываемыхъ требованіемъ академическаго устава 1869 года. До послѣдняго времени представители русской богословской учености по многимъ соображеніямъ находили, что для нихъ *удобнѣе молчаніе*, ибо кто молчитъ, тотъ лишенъ возможности проговориться. Бывали, конечно, исключенія, но и изъ нихъ вырабатывался тотъ типъ уклончиваго, осторожнаго, келейнаго и елейнаго ученаго, лучшимъ образцомъ котораго служитъ покойный А. В. Горскій. Познанія его обширны, но онъ боится разойтись съ существующими взглядами и традиціями, боится оскорбить какой либо авторитетъ, и потому стѣсняется высказать историческую правду, какъ она ему представляется, а говоритъ прикровенно и съ недомолвками, какъ бы всегда имѣя предъ собою невидимаго цензора. Тѣмъ не менѣе, почтимъ признательностію память великаго труженика церковно-исторической науки, который одинъ изъ немногихъ дѣлился съ публикою своими изысканіями въ молчаливое время. Теперь, когда академическимъ уставомъ 1869 г., обязательно снята съ представителей богословской науки печать молчанія,—нѣкоторая робость мысли, привычка къ осторожности и наклонность къ уединенному труду не могли скоро изгладиться. Пересматривая диссертаціи на степень доктора богословія, которыхъ въ теченіе десяти лѣтъ представлено около 25, мы видимъ, что *общей* русской богословской и церковно-исторической науки еще не существуетъ. Каждый трудится отдѣльно въ своемъ уголку. Нѣтъ никакого взаимодѣйствія въ воззрѣніяхъ. Нельзя уловить общаго направленія русской богословской науки, указать тѣ вопросы и задачи, которыми она въ настоящее время преимущественно занята. Не видно почти, чтобы въ трудахъ одного ученаго отражалось вліяніе трудовъ другаго; напротивъ того—каждый какъ будто и не читаетъ того, что пишетъ его сосѣдъ. Критики ученыхъ произведеній богословской литературы—за исключеніемъ оффиціальныхъ отзывовъ—почти вовсе не имѣется. Даже темы докторскихъ диссертацій до такой степени разнохарактерны, что трудно признать въ нихъ сумму литературной дѣятельности лицъ, одновременно трудящихся на одномъ поприщѣ, а скорѣе можно считать ихъ набранными изъ литературы разныхъ странъ и народовъ. Конечно это зависитъ отъ выбора спеціальныхъ темъ, а выборъ узко-спеціальныхъ темъ обусловливается въ свою очередь тѣмъ соображеніемъ, что судьба спеціальной диссертаціи во всякомъ случаѣ безопаснѣе. Тѣмъ не менѣе, не смотря на разбросанность, фрагментарность произведеній современной богословской науки, наука всетаки идетъ впередъ: сумма ученыхъ трудовъ накопляется, развитіе ученой богословской мысли усиливается—и можно надѣяться, что недалеко уже то время, когда диссертаціи и вообще ученые труды дѣятелей духовной науки, взятые въ сложности, образуютъ собою цѣлую литературу, которая обозначитъ собою самостоятельное движеніе русской богословской и церковно-исторической науки. Основаніе для такой надежды даетъ между прочимъ и докторская диссертація А. П. Лебедева.

Тему диссертаціи г. Лебедева ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать узко-спеціальною и притомъ *безопасною* въ томъ смыслѣ, что при разработкѣ ея нельзя столкнуться съ существующими традиціями и предзанятыми мнѣніями. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ представляютъ собою итогъ церковной жизни за это время,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, по общепринятому не научному представленію, они являются съ супра-натуральнымъ, священно-мистическимъ характеромъ, т. е. не тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности и чѣмъ они кажутся для всякаго не предъубѣжденнаго читателя *Дѣяній соборныхъ* и другихъ извѣстій относительно исторіи соборовъ.—Такимъ образомъ для докторанта предвидѣлись двѣ опасности: а) быть подавлену обширнымъ историческимъ матеріаломъ, б) погрѣшить противъ исторической истины въ угоду сложившейся традиціи. Намъ кажется, что г. Лебедевъ счастливо успѣлъ избѣгнуть обѣихъ опасностей. Владѣя обильнымъ запасомъ свѣденій относительно первыхъ четырехъ всел. соборовъ, авторъ не все, что зналъ, вмѣщалъ въ свою книгу. Онъ умѣлъ сохранить самостоятельность своего историческаго мышленія, поставивъ своею спеціальною задачею: прослѣдить въ IV и V вѣкахъ движеніе и взаимодѣйствіе двухъ направленій богословской мысли: такъ называемаго *александрійскаго* или супра-натуральнаго, консервативнаго, и *антіохійскаго*, умѣренно-раціональнаго. Первое направленіе было свойственно Западу, вто-

рое—Востоку. Еще въ III-мъ вѣкѣ представителемъ перваго направленія былъ Тертулліанъ, говорившій: credo, quia absurdum est; представителемъ втораго.—Оригенъ, александріецъ, гонимый въ Александріи и находившій себѣ почетъ и покой въ Сиріи и Палестинѣ. Это же двоякое направленіе богословской мысли имѣло мѣсто и въ эпоху, разбираемую г. Лебедевымъ,—съ тѣмъ только различіемъ, что территорія свободного богословскаго мышленія все болѣе и болѣе отодвигалась на востокъ и Александрія, произведшая прежде свободно мыслящаго Оригена, теперь уже имѣла своими представителями строгихъ супра-натуралистовъ св. Аѳанасія и св. Кирилла.

Сводя къ итогу результаты, добытые изслѣдованіемъ автора, можемъ обозначить ихъ такъ:

а) I вс. соборъ составилъ свои опредѣленія подъ вліяніемъ лицъ александрійскаго направленія, т. е. ревнителей супранатурализма и простой испытующей вѣры.

б) II вс. соборъ состоялся подъ вліяніемъ лицъ антіохійскаго направленія, которымъ не сочувствовалъ св. Григорій Богословъ, оставившій намъ свѣденія объ этомъ соборѣ.

в) III всел. соборъ или—точнѣе сказать--та половина его, которая была признана въ качествѣ *вселенскаго собора* православною церковію, составилась изъ лицъ александрійскаго направленія, во главѣ которыхъ стоялъ св. Кириллъ александрійскій; другую же половину собора, непризнанную церковію, составили лица антіохійскаго направленія, сочувствовавшія Несторію.

г) IV всел. соборъ составился изъ лицъ, согласившихся на унію обоихъ направленій—антіохійскаго и александрійскаго. За этимъ уніоннымъ направленіемъ и осталось послѣднее слово какъ по христологическому вопросу, такъ и по вопросу объ отношеніи богословской науки къ вѣрѣ.

Для того, чтобы придти къ этимъ выводамъ, автору пришлось употребить не мало труда, знанія и критическаго таланта. Дѣло въ томъ, что относительно первыхъ двухъ всел. соборовъ не сохранилось ихъ *дѣяній* (а можетъ быть ихъ никогда и не было), а сохранились только проникнутыя субъективнымъ элементомъ свидѣтельства: о 1-мъ Евсевія Кесарійскаго и св. Аѳанасія Александрійскаго; а о II-мъ—св. Григорія Богослова. Чтоже касается до III и IV соборовъ, то, хотя и сохранились ихъ *дѣянія*, но въ нихъ многое приходится читать между строкъ. Авторъ представилъ—можно сказать—первый и очень удачный опытъ исторической критики въ приложеніи къ документамъ церковно авторитетнаго характера. Плодомъ этой критики читатель найдетъ для себя въ книгѣ г. Лебедева много новаго, въ научномъ отношеніи весьма цѣннаго и несогласнаго съ общепринятыми взглядами и мнѣніями. Напримѣръ въ катихизисѣ М. Филарета мы учили, что II-й вс. соборъ былъ собранъ противъ Македонія, который нечестиво мыслилъ о Св. Духѣ. Между тѣмъ въ книгѣ г. Лебедева (стр. 124, прмѣч.) читаемъ: „распространенное мнѣніе о томъ, что соборъ вселенскій II былъ созванъ противъ македоніанъ, вслѣдствіе ихъ неправильныхъ мыслей о Духѣ Св., лишено всякаго основанія. Оно произошло отъ слѣдующихъ причинъ: во первыхъ, извѣстно было изъ историковъ церковныхъ, что на соборѣ появлялись и македоніане,—и этотъ фактъ былъ принятъ за поводъ къ созванію собора. Во вторыхъ, позднѣе въ церкви явилась мысль: приписать собору II вселенскому какую-либо опредѣленную задачу, подобно тому какъ это имѣло мѣсто въ отношеніи къ I вс. собору; а такъ какъ самымъ виднымъ актомъ собора было составленіе члена о Духѣ Св., то поводъ къ созванію собора и начали искать въ македоніанахъ. По ясному свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ, соборъ созванъ былъ для утвержденія никейскаго ученія (Sozom. VII, 7) и вообще противъ ересей (II вс. соб. пр. I); вопросъ же о македоніанахъ былъ дѣломъ второстепеннымъ“.

Но отдавая должную честь талантливому труду А. П. Лебедева, мы находимъ возможнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній:

I) Намъ кажется не совсѣмъ умѣстнымъ употребленіе терминовъ: *школа* и *унія*. Съ мыслію о школѣ неразлучно представленіе объ извѣстнаго рода учебной организаціи; наставникахъ, ученикахъ, преподаваемыхъ предметахъ, даже о часахъ преподаванія и т. д. Знаемъ ли мы что-нибудь подобное о школахъ *антіохійской* и *александрійской*, выводимыхъ въ книгѣ г. Лебедева? Знаемъ нѣчто подобное о *школѣ александрійской* временъ Пантена, Оригена и Дидима, но эти извѣстія относятсякъ *школѣ* нѣсколько болѣе ранняго времени и инаго направленія. Въ эпоху же, разбираемую г. Лебедевымъ, нѣтъ извѣстій, чтобы особенности направленій *антіохійскаго* и *александрійскаго* коренились въ школьномъ образованіи; и въ частности, направленіе александрійское было по принципу неблагопріятно учености. Поэтому прилагать терминъ *школа* къ направленію антіохійско-

му и александрійскому IV и V в. по малой мѣрѣ также неточно, какъ напр. обозначать словомъ *школа* кружокъ славянофиловъ и западниковъ въ русской литературѣ.—Слово *унія*,—благодаря исторіи отношеній православія къ католицизму,—имѣетъ для насъ привычное значеніе неодобрительнаго свойства, какъ синонимъ лукаваго, фиктивнаго и непрочнаго соглашенія; поэтому странно видѣть слово *унія*, употребляемое въ одобрительномъ смыслѣ. Ктому же слово *унія* не соотвѣтствуетъ греческому слову συμβασις, которымъ св. Кириллъ александрійскій и Іоаннъ іерусалимскій обозначали свои уладившіяся отношенія.

2) Авторъ на диспутѣ самъ заявилъ, что начинаетъ свое сочиненіе ex abrupto. Намъ остается только сказать, какое начало мы желали бы видѣть предпосланнымъ труду автора. Догматическіе споры IV и V вѣка остаются для насъ непонятными, пока мы не будемъ знать интеллектуальной почвы, на которой они развились. Нашъ вѣкъ также не чуждъ христологическихъ вопросовъ, но такъ какъ интеллектуальная почва нынѣ другая, то и раждаетъ она не Арія и Несторія, а Штрауса и Ренана. Для IV и V вѣка интеллектуальною почвою была страсть къ софистикѣ и діалектикѣ и ко всякаго рода умственной гимнастикѣ, унаслѣдованная греками и еллинизованными варварами отъ древняго міра и сдѣлавшаяся второю природою греческаго духа. Авторъ указалъ на существованіе такой почвы (стр. 46—50), но не остановился долѣе на ея анализѣ, отчего характеристика догматическихъ споровъ много теряетъ въ своей ясности.

3) Наконецъ намъ кажется, что авторъ не обратилъ надлежащаго вниманія на одинъ важнѣйшій факторъ въ исторіи вселенскихъ соборовъ и вообще византійской церковной жизни. Мы разумѣемъ вліяніе императорской власти. Византійскіе императоры постоянно были сильно заинтересованы ходомъ религіозныхъ споровъ, уже потому самому, что ими возмущалось народное спокойствіе. Съ своей стороны и спорящія стороны, какъ православные, такъ и еретики для успѣха своего дѣла всегда готовы были заручиться матеріальнымъ и моральнымъ содѣйствіемъ высшей государственной власти. Если императоръ,—что бывало весьма часто,—не имѣлъ опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, то онъ старался предложить какой-либо компромиссъ между спорящими сторонами, или склонялся къ рѣшенію, которое привело бы къ единогласію или по крайней мѣрѣ къ подавляющему большинству. Факты, относящіеся до участія императоровъ въ соборныхъ дѣлахъ, не могли быть игнорированы г. Лебедевымъ (стр. 24, на 1-мъ вс. соборѣ им. Константинъ предлагаетъ слово ὁμοούσιος; стр. 141, на 2 вс. соборѣ избраніе Нектарія преемникомъ св. Григорію Богослову одобряется по увѣренности, что Богъ внушилъ это царю Ѳеодосію 1-му; стр. 181, послѣ III вс. собора и. Ѳеодосій младшій обращается къ вождямъ спорящихъ сторонъ—съ требованіемъ войти во взаимное общеніе; стр. 263--4. на IV вс. соборѣ, императорскіе сановники склоняютъ весь соборъ къ единенію). Но эти факты отодвинуты на задній планъ и не освѣщены надлежащимъ образомъ. Могучее вліяніе императорскихъ сановниковъ на рѣшеніе IV вс. собора представляется автору чѣмъ-то въ родѣ чуда. „По видимому трудно было,“—говоритъ авторъ,—„ожидать мира и единенія со стороны спорившихъ. Но что могло представляться труднымъ и едвали достижимымъ, то осуществилось удивительно простымъ способомъ. По истинѣ, гдѣ Духъ Божій, тамъ и малыя средства могутъ достигать великихъ цѣлей. Императорскіе сановники сказали нѣсколько словъ, которыя въ существѣ дѣла были повтореніемъ ихъ прежнихъ рѣчей, и единодушіе самое полное, вожделѣнное, самое священное водворилось на соборѣ“. Чудесъ отрицать конечно не слѣдуетъ, но бываетъ иногда, что объясненіе событія чудомъ служитъ безошибочною примѣтою пробѣла въ историческомъ знаніи.

Просвѣщеніе св. крещеніемъ. 27-го августа, въ придѣлѣ Кіево-Софійскаго собора, просвѣщенъ св. крещеніемъ отставной унтеръ-офицеръ изъ евреевъ Ш. Бейзеръ, съ нареченіемъ хр. имени *Владиміръ*. Воспріемниками были: генералъ Георгій Васильевичъ Пиленко и супруга помѣщика кіевской губерніи Евгенія Николаевна Киселевская. Новокрещенный человѣкъ молодой, съ извѣстной степени образованіемъ, еще остается на жительствѣ въ домѣ братства св. Владиміра, въ ожиданіи найти въ городѣ приличную должность, службу. Желательно, чтобы добрые люди изъ христіанъ помогли ему въ этомъ.

Печатать дозволяется. 3 сентября 1879 г. Кіевская Духовная Академія. Кіевъ. Типографія В. Давиденко.